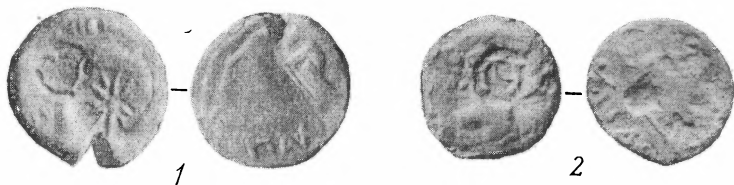

2. Л. Обычная голова сатира, в клейме венок, как на предшествующем экземпляре. Об. Лук, стрела и буквы ПАН, никаких следов прежних типов или клейма незаметно (монета испорчена раковинами). Медь. 18—19 мм. Вес 4,78 г (рис. 2).

Описанные в предыдущих строках монеты позволяют несколько дополнить нарисованную А. Н. Зографом и Д. Б. Шеловым схему клеймения и перечекалки пантикапейских медных монет начала III в. до н. э. Они подтверждают, с одной стороны, правильность исправления Д. Б. Шеловым схемы А. Н. Зографа в том отношении, что перечекалка уже заклеянных к тому времени монет с изображением львиной головы и осетра на реверсе происходила тогда, когда в обращении уже находились монеты

с луком и стрелой на обороте ¹, Следовательно, здесь перед нами факт одновременного наложения нового клейма с изображением венка, охватывающий как перечекалку монет старого типа, так и монеты нового типа.

С другой стороны, публикуемые памятники показывают, что резкому ухудшению фактуры и стиля и катастрофическому падению веса монет с типом лука и стрелы предшествовала еще одна попытка удержать их курс путем наложения на них (а заодно и на невышедшие, очевидно, к тому времени из обращения перечекалки клейменных монет с типом львиной головы и осетра ²) новых клейм с изображением венка. Попытка эта была недолговременной — об этом достаточно красноречиво свидетельствует редкость находок монет с публикуемым впервые новым клеймом и, надо полагать, столь же безуспешной, как и предшествующие. Во всяком случае, самый факт подобной попытки позволяет судить, насколько острым был денежный кризис на Боспоре в первой четверти III в. до н. э. и как лихорадочны были безрезультатные финансовые мероприятия боспорского правительства, стремившегося преодолеть или хотя бы ослабить растущие хозяйственные затруднения непрерывным клеймением, перечекалкой и новым клеймением безостановочно падающей в цене медной монеты.

П. О. Карышковский

ОКСИРИНХСКАЯ ДИДАСКАЛИЯ К ТЕТРАЛОГИИ ЭСХИЛА О ДАНАИДАХ

(Ox. Pap. 2256, fr. 3)

Лишь немногие из произведений великих аттических трагиков V в. до н. э. поддаются точной датировке. Датируется при этом не самое написание трагедии, а время ее постановки на официальных сценических состязаниях. Однако мы имеем все основания считать, что, как правило, время написания трагедии не могло далеко отстоять от времени ее сценического воплощения перед афинскими зрителями. Аттические

¹ Шелов, МИА, № 33, стр. 59; ср. Зограф, МИА, № 16, стр. 178.

² Об одновременном их обращении свидетельствуют и археологические находки; см. В. В. Шкорпил, Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г., ИАК, вып. 47, 1913, стр. 49—50.

трагедии V в. предназначались для однократной постановки на городских сценических состязаниях, входили в систему священных действий, направленных на благодеяние афинского полиса, и обычно содержали — в мифологическом оформлении — актуальный и даже злободневный политический материал¹. «Залежавшаяся» у автора пьеса нуждалась поэтому в переработке перед постановкой. Протоколы состязаний хранились в государственном архиве и были впоследствии собраны и опубликованы Аристотелем в его «Дидаскалиях»². Данные эти послужили основой для позднейших эпиграфических дидаскалий³ и для дидаскалических данных, которыми античные грамматиканы снабжали свои ученые издания древних трагедий. Однако все те дидаскалии, которые сохранились, будь то на надписях, будь то в папирусах или средневековых рукописях, охватывают только небольшую часть литературного наследия мастеров аттической трагедии; к тому же эпиграфический материал зачастую относится к не дошедшим до нас пьесам. В результате из семи сохранившихся полностью трагедий Софокла датируются на основании документальных материалов только две: «Филоклет» — 409 г. и посмертно поставленный в 401 г. «Эдип в Колоне». От Эврипида дошло, не считая неподлинного «Реса», восемнадцать пьес, — даты постановок точно известны для шести. В прочих случаях приходится довольствоваться приблизительными датировками, основанными на толковании содержащихся в пьесах политических намеков и на стилистическом анализе. Установление хронологии трагедий Софокла и Эврипида — эта необходимая предпосылка для понимания эволюции их творчества — неосуществима без использования стилистических критериев.

По отношению к Эсхилу дело обстоит несколько более благополучно. Из семи сохранившихся трагедий датируются пять: «Персы» — 472 г., «Семеро против Фив» — 467 г. и составляющие трилогию «Орестею» — «Агамемнон», «Хорэфоры» и «Эвмениды» — 458 г. Без датировки остаются только «Прикованный Прометей» и «Просительницы» («Молящие», Ἰκέτιδες).

Со времен А. В. Шлегеля у исследователей установилось убеждение, что «Просительницы» являются частью трилогии о дочерях Даная, в состав которой входили также известные нам лишь по названиям и незначительным фрагментам трагедии «Египтяне» (Αἰγύπτιοι) и «Данаиды» (Δαναΐδες)⁴. Относительно порядка трагедий Г. Германн обосновал предположение, что начальной пьесой были «Просительницы», а заключительной «Данаиды»⁵, и этот взгляд был принят почти всеми позднейшими исследователями. Не вызывала сомнений и гипотеза Гирта, высказанная в «Amalthea» Беттигера (т. II, 1822), что за трилогией о дочерях Даная следовала драма сатирь «Амимона» (Ἀμιμόνη), названная по имени одной из Данаид; от этой драмы также сохранилось лишь несколько коротких фрагментов. Страбон (V, р. 222) ссылается на слова Эскила «в «Просительницах» или «Данаидах» (ἐν Ἰκέτισι ἢ Δαναΐσιν)», и это дало основание Бирту⁶ предположить, что вся трилогия о дочерях Даная была озаглавлена «Данаиды». Составными частями этой трилогии Бирт считал трагедии «Просительницы», «Строители чертогов» и «Египтяне», относя, таким образом, цитаты, приводимые античными авторами из «Данаид» (fr. 43—45, N²), к трилогии в целом. Вилламовиц в своем большом издании Эскила (1914 г.) принял «Данаиды» как заглавие трилогии, но сохранил это же наименование для ее заключительной трагедии, следовавшей за «Просительницами» и «Египтянами».

¹ С. Я. Лурье, Художественная форма и вопросы современности в греческой трагедии, Докторская диссертация, Рукопись, ЛГУ, 1944.

² П. В. Никитин, К истории афинских драматических состязаний, СПб., 1882; RE, Didascalie.

³ Никитин, ук. соч.; A. Wilhelm, Urkunden dramatischer Aufführungen in Athen, Wien, 1906.

⁴ Вместо «Египтян» иные предполагают «Строителей чертогов» (θαλαμοποιοί).

⁵ G. Hegmann, De Aeschylī Danaidibus. Opusc. II, стр. 319 сл.; Über einige Trilogien des Aeschylus. Opusc. VIII, стр. 173 сл.

⁶ «Rheinisches Museum», 1877, стр. 417.

По вопросу о датировке «Просительниц» мнения исследователей разошлись. Бек¹, К. О. Мюллер², Дройзен³ и др. относили «Просительниц» с их восхваленнем Аргоса ко времени союза Афин с Аргосом, заключенного в 462 г. Однако к концу XIX в. решительно возобладало другое мнение, высказывавшееся еще Шлегелем и Г. Германном и основанное на стилистических критериях. Архаическая структура «Просительниц», отсутствие в них пролога, незначительное и как бы еще неумелое использование второго актера, недостаточность индивидуальной характеристики действующих лиц — все это заставляло относить трагедию к раннему периоду творчества Эсхила. Отсылая за подробностями к сводке мнений различных ученых, данной в 1908 г. в диссертации Г. Мюллера⁴, ограничимся указанием, что в последующие годы, кроме Н. Веклейна⁵, один только Вальтер Нестле⁶ выражал сомнение в правоте ранней датировки «Просительниц» и требовал переисследования этого вопроса. Прочие исследователи, хотя и расходились между собой в деталях, но считали «Просительниц» самым ранним из сохранившихся произведений Эсхила. Так, Вилламовиц⁷ датирует «Просительниц» временем до 480 г. Определеннее высказывается Фокке⁸, по мнению которого эта трагедия является одним из первых произведений Эсхила, написанным вскоре после 500 г. К 493—490 гг. относит ее П. Мазон в предисловии к своему изданию Эсхила⁹; к 492 г. — М. Круазе¹⁰. Более позднюю датировку — 467 г., однако предшествующую времени написания «Персов», предлагает голландский филолог Вюртгейм, автор комментария к «Просительницам» (1928). В зарубежных общих трудах по истории греческой литературы, выходивших в XX в., в многочисленных монографиях, посвященных развитию греческой трагедии вообще или специально Эсхилу, рассмотрение творческой эволюции поэта всегда начинается с «Просительниц» как наиболее раннего из дошедших до нас произведений. На этой же позиции стояли все советские исследователи как составители общих курсов, так и авторы специальных статей. Н. Л. Сахарный¹¹ относит «Просительниц» к 492 г. и рассматривает их как отклик Эсхила на ионийское восстание. Сходные мысли высказал Б. В. Казанский в докладе о «Просительницах», прочитанном в 1949 г. на кафедре классической филологии ЛГУ¹². В пользу поздней датировки «Просительниц» никто из советских филологов печатно не высказывался¹³.

¹ A. B o e s k h, Graecae tragoediae principum, Aeschyli, Sophoclis, Euripidis, num ea, quae supersunt, et genuina omnia sint, et forma primitiva servata, an eorum familiis aliquid debeat ex iis tribui. Scripsit A. B., Heidelberg, 1808, стр. 54.

² В издании «Эвменид» Эсхила, Göttingen, 1833, стр. 122 сл.

³ «Zeitschrift f. d. Altertumswissenschaft», 1841, стр. 226.

⁴ G. M ü l l e r, De Aeschyli Supplicum tempore atque indole, Diss., Halle, 1908.

⁵ «Berliner philologische Wochenschrift», 1910, стб. 737—739.

⁶ Подробно в рецензии на W. K r a n z, Stasimon, 1933, напечатанной в журнале «Gnomon», 1934, стр. 413—415.

⁷ U. v. W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f, Aischylos. Interpretationen, B., 1914, стр. 240. С датировкой Вилламовица соглашается А. К ö r t e, «Philologische Wochenschrift», 1929, стр. 369—375.

⁸ F. F o c k e, Die Hiketiden des Aeschylos, «Nachrichten d. Götting. Ges. d. Wiss.», Phil.-hist. Kl., стр. 165—188.

⁹ E s c h y l e, т. I, P., 1920.

¹⁰ M. C r o i s e t, Eschyle, P., 1928, стр. 44.

¹¹ Н. Л. С а х а р н ы й, О «Просительницах» Эсхила, «Наукові Записки Київського Державного Педагогічного Інституту ім. О. М. Горького», т. VII, Філологічна серія, № 2, Київ, 1948, стр. 189—201.

¹² Доклад в настоящее время печатается в «Ученых Записках» ЛГУ.

¹³ Надлежит все же указать, что единичные голоса в пользу поздней датировки были, но до печати не доходили. Ленинградский филолог Солодилов незадолго до второй мировой войны представил на кафедру классической филологии ЛГУ проспект

При таком единодушном взгляде исследователей на «Просительниц» как на наиболее архаическую по структуре и наиболее раннюю по времени написания трагедию Эсхила совершенной неожиданностью явилось опубликование в XX томе Оксиринхских панирусов (1952) дидаскалического фрагмента (OP, 2256, fr. 3), из которого на первый взгляд вытекало, что Эсхил получил своей трилогией о дочерях Даная первый приз на сценическом состязании, участником которого был Софокл. Как известно, начало сценической деятельности Софокла относится к 468 г.¹, когда он одержал победу над Эсхилом. В 467 г. Эсхил получил первый приз за фиванскую трилогию. Таким образом, победа Эсхила, о которой идет речь в новой дидаскалии, должна относиться ко времени не ранее 466 г., что как будто является документальным подтверждением поздней датировки «Просительниц», предлагавшейся Беком и Мюллером.

После первых недоумений, связанных с неожиданностью вывода и некоторой неясностью текста дидаскалии, стали все настойчивее раздаваться голоса, требующие принятия новой датировки и соответствующего изменения традиционного представления о творческом пути Эсхила. С наибольшей решительностью стал на новую точку зрения известный австрийский филолог А. Лески в статье «Датировка „Просительниц“ и трагик Месат»². Лески считает весьма вероятной датировку «Просительниц» архонством Архемида, т. е. 463 г. Дальнейшим развитием взгляда Лески является статья бельгийца Оржелса, имеющая сенсационное заглавие «Революция в хронологии Эсхила»³. Эту же точку зрения защищает ряд других авторов⁴. Не все исследователи, однако, склонны принять новую датировку. Скептическое отношение к ней выражают в первую очередь исследователи стиля Эсхила⁵. Не доверяет ей также Поленц во втором издании своей известной книги «Греческая трагедия» (1954)⁶. Некоторые авторы предпочитают воздержаться от окончательного суждения⁷.

Вопрос этот имеет значение, выходящее за пределы одной лишь хронологии пьес Эсхила. Если бы новая датировка оказалась правильной, то это означало бы, что обнаружили свою несостоятельность те методы стилистического анализа, которые при диссертации о «Просительницах», в которой должна была быть обоснована хронологическая близость этой трагедии к «Орестее».

¹ *Marin. Par. ep.*, 56; *Plut., Cim.*, 8.

² A. L e s k y, *Die Datierung der Hiketiden und der Tragiker Mesatos, «Hermes» LXXXII (1954)*, стр. 1—13.

³ P. O r g e l s, *Une révolution dans la chronologie d'Eschyle. (À propos de P. Oxy-2256, fr. 3)*, (Académie royale de Belgique. Bulletin de la classe des Lettres et des Sciences morales et politiques), т. XLI (1955), 5 вып., стр. 528—536.

⁴ Например, J. A. D a v i s o n, «Classical Review», N. S. 3 (1953), стр. 144; «Journal of Hellenic Studies», 74, 1954, стр. 207; T. B. W e b s t e r, *Fifty years of classical scholarship*, Oxford, 1954; он же, *Recent scholarship of Greek tragedy, Diogenes*, 1954, № 5, стр. 85—100; W. J e n s, *Strukturgesetze d. frühen griechischen Tragödie*, «Studium Generale», 8, 1955, стр. 246—253; статья греческого ученого К а к р и д и с а, «ЕЛЛНИКА», т. 13 (1954), стр. 165—170, осталась мне недоступной. За сообщение о ней и за ряд других библиографических материалов выражаю сердечную благодарность В. Н. Ярхо.

⁵ F. R. E a r p, *The date of the Supplines of Aeschylus*, «Greece and Rome», XXII, (1953), стр. 118—123; F. H. J o h a n s e n, *Some features of sentence structure in Aeschylus' Suppliants*, «Classica et Mediaevalia», XV (1954), стр. 1—59.

⁶ В качестве единственной возможности принять свидетельство новой дидаскалии Поленц выдвигает предположение, что «Просительницы», написанные еще до «Персов», были поставлены на сцене лишь значительно позже, в 60-е годы (стр. 52—53).

⁷ Например, Th. G. R o s e n m e y e r, *Gorgias, Aeschylus and «arapte»*, *AJPh*, 76 (1955), стр. 247, прим. 71; J. H. F i n l e y, *Pindar and Aeschylus*, 1955, начинает изложение творческого развития Эсхила с «Просительниц», но оставляет открытым вопрос, не придется ли изменить обычный взгляд, исходя из новой датировки (стр. 195).

водили почти всех исследователей XX в. к противоположному мнению. Представляется поэтому вполне своевременным поставить вопрос о том, вытекает ли действительно из новоопубликованного папируса, что «Просительницы» относятся к 460 годам.

Задачей настоящей статьи не является всестороннее рассмотрение «Просительниц» и их места в творчестве Эсхила в целях хронологического приурочения трагедии. Рассмотрение будет здесь только источниковедческое: представляет ли О. Р. 2256, fr. 3 источник, на основании которого можно делать выводы о времени первой постановки, а тем более о времени написания «Просительниц»?

Прежде, чем мы обратимся к тексту новоопубликованного дидаскалического фрагмента, необходима одна предварительная констатация: после смерти Эсхила трагедии его продолжали исполняться на афинских драматических состязаниях, и поэт одерживал посмертные победы. Об этом прямо свидетельствует биография Эсхила, сохраненная в codex Medicus и других рукописях (§ 12, Wil.): «Афиняне так любили Эсхила, что после его смерти народное собрание издало постановление о предоставлении хора всякому желающему поставить произведения Эсхила» (Ἀθηναῖοι δὲ τοσοῦτον ἠγάπησαν Αἰσχύλον, ὡς ψηφίσασθαι μετὰ θάνατον αὐτοῦ τὸν βουλούμενον διδάσκειν τὰ Αἰσχύλου χορὸν λαμβάνειν). Аристофан подтверждает это в «Ахарнянах». Дикеополь жалуется в прологе на свое «трагическое» страдание, ст. 10—11: ὅτε δὴ ἄκεχρῆνη προσδοκῶν τὸν Αἰσχύλον, ὃ δ' ἀνέπλεν εἴσαγγ', ὃ θεοῖσιν, τὸν χορὸν.

«Разинув рот Эсхила ждал трагедии.

А тут глашатай: Феогнид, введи свой хор!»

Схолиаст поясняет к этому месту, что «Эсхил удостоился у афинян величайшей чести и драмы его одного ставились также и посмертно на основании государственного постановления» (τιμῆς δὲ μεγίστης ἔτυχε παρὰ Ἀθηναίους ὁ Αἰσχύλος, καὶ μόνου αὐτοῦ τὰ δράματα ψηφίσματι κοινῷ καὶ μετὰ θάνατον ἐδιδάσκητο). Ср. также схолий к «Лягушкам» 868.

Действительно, афиняне сделали для Эсхила особое исключение. В нарушение общего правила о том, что на празднествах Диониса ставятся только новые произведения, они разрешили, по-видимому, вскоре после смерти поэта, посмертное возобновление его пьес. Эти вторичные постановки трагедий Эсхила надлежит не смешивать с теми постановками «старых» (παλαιά) трагедий, которые вошли в обычай в IV в. и известны нам из эпиграфических дидаскалий. Такая παλαιά не участвовала в состязании и не одерживала победы, между тем как посмертные постановки Эсхила входили в состав агона. Об этом свидетельствует с не оставляющей сомнения ясностью Филострат (Vita Apoll., VI, 11, p. 113 Kauser): «Афиняне считали его (Эсхила) отцом трагедии и призывали на Дионисии даже тогда, когда он был уже покойником, так как по постановлению народного собрания произведения Эсхила ставились повторно и побеждали в состязаниях на правах новых пьес» (Ἀθηναῖοι πατέρα μὲν αὐτὸν τῆς τραγῳδίας ἠγοῦντο, ἐκάλουν δὲ καὶ τεθνεῶτα ἐς Διονύσια, τὰ γὰρ τοῦ Αἰσχύλου ψηφισμάτων ἀνεδιδάσκητο καὶ ἐνίκα ἐκ καινῆς). Биография прибавляет, что число посмертных побед Эсхила было немалым (ὅτι ὀλίγας δὲ μετὰ τελευτῆν νίκας ἀπηνέγκαστο).

Несколько особняком стоит сообщение Квинтилиана (X, 1, 66), который связывает возобновление трагедий Эсхила с необходимостью исправлять недостатки его стиля: будто бы «из за этого афиняне позволили позднейшим поэтам представлять на

¹ О посмертных возобновлениях трагедий Эсхила на афинских состязаниях см. E. Rohde, Scenica, «Rheinisches Museum», XXXVIII (1883), стр. 289—290 = «Kleine Schriften», II (1901), стр. 423—424; Alb. Müller, Lehrbuch der Griechischen Bühnenalterthümer, 1886, стр. 325; Никитин, ук. соч. стр. 188. По мнению Кайбеля, противоречие между числом побед в биографии — 13 и у Свида — 26 объясняется тем, что в счет Свида введены посмертные победы. О возможных отражениях посмертных постановок Эсхила в изобразительном искусстве см. J. D. Beazley, Prometheus fire-lighter, AJA, 1939, стр. 618—639; A. Rumpf, Classical and postclassical Greek painting, JHS, 67, 1947, стр. 10—21.

«состязания его пьесы в исправленном виде, и многие удостоились этим способом высшей награды» (propter quod correctas eius fabulas in certamen deferre posterioribus poetis Athenienses permiserunt, suntque eo modo multi coronati). Причины посмертного вынесения драм Эсхила на сценические состязания получают у Квинтилиана явно ошибочное истолкование, и это бросает, конечно, тень на все сообщение. Тем не менее я вполне допускаю, что трагедии Эсхила могли возобновляться в несколько измененном ретушированном виде и что «correctas» Квинтилиана имеет под собой действительное основание. Такие исправления отнюдь не противоречили античным взглядам на литературную собственность, особенно в V в. до н. э.

Посмертные победы Эсхила возможны были не только благодаря возобновлению его трагедий на сцене. Согласно свидетельству Свида (s. v. Εὐφορίων), сын Эсхила Эвфорион четыре раза одержал победы трагедиями отца, которых тот не успел при жизни показать (ὅς καὶ τοῖς Αἰσχύλου τοῦ πατρὸς, οἷς μῆπω ἦν ἐπιδειξάμενος, τετράκις ἐνίκησεν).

Таким образом, те исследователи, которые ссылаются на вытекающую из нового дидаскалического фрагмента синхронно с Софоклом как на свидетельство в пользу поздней датировки «Просительниц», должны были бы доказать, что дидаскалия эта не относится к какой-либо из посмертных побед Эсхила при возобновлении его пьес или даже при первой постановке трагедий, почему-либо не попавших на сцену при жизни поэта.

Возможно ли это доказать?

В XX томе оксиринских папирусов Э. Лобель объединил под номерами 2245--2256 серию фрагментов, написанных одной рукой и имеющих отношение к Эсхилу. Фрагменты эти представляют собой остатки экземпляра издания Эсхила, переписанного в конце II — начале III в. н. э. и содержавшего ряд драм, в том числе драму сатиров о Прометее (fr. 2245), которая составляла заключительную пьесу тетралогии, состоявшей из «Финея», «Персов», «Главка» и «Прометей» и поставленной в 472 г. до н. э. при архонте Меноне (ὑπεθεσις к «Персам»). Тексты снабжены многочисленными знаками, облегчающими чтение, придыханиями, ударениями, надписями на полях. Все свидетельствует о том, что перед нами экземпляр тщательно выполненного издания, восходящего к работам античных ученых. Как это имело обычно место в древних ученых изданиях, драмы сопровождаются дидаскалиями и изложениями содержания (ὑπεθεσις). Среди отрывков имеется дидаскалия к «Эдипу», № 2265, fr. 2 (тетралогия «Лай», «Эдип», «Семеро против Фив», «Сфинкс»), лишь очень незначительно отличающаяся от сохраненной в средневековых рукописях дидаскалии к «Семерым против Фив», имеется остаток ὑπεθεσις к какой-то драме, № 2256, fr. 4, а также вышеупомянутая дидаскалия к «Данаидам», № 2256, fr. 3.

Приводим текст этой дидаскалии в том виде, как она напечатана у Лобеля:

.....
 ἐνίκα [Αἰ]σχύλο[ς]
 Δαν[α·ι]·σι ᾠμ[ύωνη]
 δεύτ[ε]ρ[ο]ς Σοφοκλή[ς]
 μέστος [N·[·]·]
 [Βάχχαις Κωφοῦ[ς]
 Ποι[μέσιν Κόκλ]ωπι
 σατυ(ρικῶι).

Начала всех строк, кроме стк. 6 Ποι[μέσιν], сохранились, но о том, какова была длина строк, нет никаких внешних данных; ее можно установить только при помощи несомненных дополнений. То, что последнее слово (неполное) σατυ написано не с начала строки, а с середины, — указывает на концовку и, действительно, дальнейшего текста нет.

Приложенная к XX тому О. Р. фотография рассматриваемого отрывка дает текст, отличающийся от вышенапечатанного в том отношении, что здесь Лобель присоединил к № 2256, fr. 3 сверху другой лоскуток, содержащий буквы επ.α., вероятно, ἐπὶ ἐρ[·]. Сверху над этими остатками строки и слева от них значительное пустое поле, так что

строка эта, по всей видимости, представляла собой начало некоего текста или, по крайней мере, начало новой колонки этого текста. Как видно по фотографии, этот верхний лоскуток не имеет с основной частью 2256, fr. 3 общей линии разрыва, которая могла бы гарантировать правильность соединения. Отрывки могут быть приведены в соприкосновение друг с другом только в одной точке. Поэтому нельзя с уверенностью утверждать принадлежность верхнего отрывка к тексту дидаскалии 2256, fr. 3; кроме того, если бы даже отрывок относился к этому тексту, то он мог бы отстоять от него на несколько строк и не примыкать к нему непосредственно. При истолковании нашего текста мы будем исходить поэтому из той его формы, которая напечатана у Лобеля, но впоследствии возвратимся также и к той возможности, которую Лобель предложил в своем факсимиле (мы будем в дальнейшем называть эту форму текста факсимильной). Вопрос этот играет весьма существенную роль. Аргументация сторонников поздней датировки «Просительниц» основана в значительной мере на факсимильной форме текста и теряет свою силу, если строчка с буквами ἐπί ἀρ[не предшествовала непосредственно остальному тексту дидаскалии.

Рассмотрим теперь первую часть дидаскалии:

ἐνίκα [Αἰ]σχύλο[ς
 Δαν[α*ί]·σι ᾠμι[μῶν]η
 δεύτ[ε]ρ[ο]ς Σοφοκλή[ς
 μέσατος (далее названия ряда пьес).

Дидаскалия, стало быть, сообщает нам, что на некоем трагическом состязании Эсхил одержал победу «Динаидами» и драмой сатиров «Амимоной». Предположение, принятое всеми учеными о связи драмы сатиров «Амимона» с трилогией о дочерях Дана, получило, таким образом, документальное подтверждение. Можно было бы подумать, что в дидаскалии были перечислены все три трагедии, составляющие трилогию. Тогда первые две строчки восстанавливались бы следующим образом:

ἐνίκα [Αἰ]σχύλο[ς Ἰκέτισι Αἰγυπτίοις
 Δαν[α·ί]·σι ᾠμι[μῶν]η σατυροική

В этом случае мы имели бы длинные строчки, содержащие до 30 букв. То, что вторая строчка оказалась бы значительно короче первой, можно было бы объяснить желанием начать упоминание о втором участнике состязания Софокле с новой строки, хотя, как мы увидим дальше, по отношению к третьему участнику этот принцип не был соблюден. Однако можно представить себе дело и так, что *Δαναΐδες* являются здесь заглавием всей трилогии, как это предполагал Вилламовиц. В таком случае длинных строк уже не нужно. Для разрешения этого вопроса надлежит обратиться к следующим строкам:

δεύτ[ε]ρ[ο]ς Σοφοκλή[ς
 μέσατος

Уже Лобель указал на возможность двух дополнений.

Во-первых, *Σοφοκλή[ς ὁ μέσατος*, т. е. «срединный Софокл». Античные ученые знали трех трагических поэтов с именем Софокла. Кроме Софокла, сына Софила, великого трагического поэта V в., был известен также его внук — Софокл, сын Аристана (Свида, s. v.), который начал ставить трагедии с 396 г. (Diod., XIV, 53, 6) и одержал ряд побед. Далее Свида (s. v.) упоминает о трагическом и лирическом афинском поэте Софокле, потомке древнего поэта, который жил уже после плеяды, т. е. в эллинистическое время; может быть, это тот Софокл, который упоминается на надписи IG, VII, 3197₂₀. Если принять указанное дополнение, то в качестве «срединного Софокла» был бы обозначен Софокл-внук, сын Аристана, и дидаскалия относилась бы к посмертной победе Эсхила.

Во-вторых,

δεύτ[ε]ρ[ο]ς Σοφοκλή[ς, τρίτος
 Μέσατος

При этом предположении речь идет о трагическом поэте Месате. Об этом Месате до сих пор были известны лишь два упоминания, которые возбуждали сомнение исследователей. Схолиаст к «Осам» Аристофана ст. 1501—2 *υἱὸς Καρκίνου ὁ μέσατος* указывает, что речь идет не о трагике Месате (*ὁ τὸν τραγικὸν λέγει Μέσατον*). Кроме того, в пятом из приписываемых Эврипиду писем, Эврипид, находящийся в Македонии, жалуется на слухи, которые распространяют по его адресу Агафон и Месат. Так называемые письма Эврипида — произведение софиста периода Римской империи, и Бентли, установивший позднее происхождение писем Эврипида, усомнился в существовании поэта Месата¹. *Μέσατος* у схолиаста к «Осам» было соответственно истолковано как прилагательное и понято в том смысле, что Аристофан называет «средним» не того сына Каркина, который был трагиком (трое сыновей Каркина были хоревтами, а четвертый Ксенокл — поэтом). Мейнеке² высказал даже мысль, что ошибочно понятое указание схолиаста к Аристофану и явилось источником выдумки о трагическом поэте Месате. Убеждение в том, что Месат лицо выдуманное, прочно укоренилось в науке, и имя Месата даже не введено в энциклопедию Паули-Виссова.

Наш папирус кладет конец этим гиперкритическим сомнениям. Как справедливо указывает А. Лески³ прилагательное *μέσατος* (или *μέσατος* в эолийском и в большинстве дорийских говоров) представляет собой чрезвычайно редкое слово, обычно свойственное эпическому стилю⁴ и в прозе не встречающееся. Предполагать его в сухом деловом стиле грамматических дидаскалий невозможно⁵. Не говорю уже о том, что при чтении *Σοφοκλή[ς] ὁ μέσατος* в дидаскалии оказывается только два участника состязания, что представляет собой случай возможный, но очень редкий⁶. Остается признать, что *Μέσατος* — имя собственное, и что трагический поэт Месат, упоминаемый в письмах Эврипида и схолии к стиху 1502 «Ос» Аристофана, действительно существовал⁷ и получил вслед за Эсхилом и Софоклом третий приз на сценическом состязании, о котором сообщает наша дидаскалия.

Признание Месата третьим участником состязания само по себе еще не устраняет предположения о Софокле-внуке как втором победителе. Он, конечно, должен был быть как-то охарактеризован, и, если исходить из длинной строки, величиной в 30 букв, можно было бы дополнить третью строку следующим образом: *δεῦτε[ε]ρ[ο]ς, Σοφοκλή[ς] ὁ υἱοῦς, τρίτος*. Но этому мешают хронологические соображения. Деятельность Софокла-внука относится к IV в., когда трагедии Эсхила, ставшие уже архаическими, вряд ли могли ставиться не в качестве *παλαιά*, а как равноправные участницы агона. Речь идет, таким образом, о Софокле-деде.

¹ Dr. Richard Bentley's *Dissertations upon the Epistles of Phalaris, Themistocles, Socrates, Euripides, and upon the fables of Aesop*. Edited with an introduction and notes by W. Wagner, B., 1874, стр. 558.

² *Historia critica comicorum Graecorum (Fragmenta comicorum Graecorum, I)*, 1839, стр. 513 сл., прим. 12.

³ Ук. соч., стр. 8—10.

⁴ Кроме одной дважды повторенной в «Илиаде» формулы (Θ 233, Λ6: *ἦ ῥ' ἐν μέσατορ ἔσμε γεγωνήμεν (μφοτέρωσ)*), мы находим его в приведенном выше стихе Аристофана («Осы», 1502), где оно имеет явно пародийный характер, однажды у Феокрита (21, 19) и в архаическом стиле греческих поэтов эпохи Империи (Оппиан Сун., I, ст. 112; Дионисий Перизетт, ст. 204; Сульпиций Максим — IG, XIV, 2012, A 33). В каком контексте прилагательное *μέσατος* встречалось в комедии Менандра «Карфагеняне» (fr. 267 K = Schol. Arist. Vesp. 1502), неясно.

⁵ На несвойственность аттической речи прилагательного *μέσατος* любезно указал мне чл.-корр. АН СССР П. В. Ернштедт.

⁶ Двух участников состязаний мы находим на Ленеях в 420—419, 419—418 гг., а также на Дионисиях — 342—341, 341—340 гг. (A. Wilhelm, ук. соч., стр. 53).

⁷ *Μέσατος* как имя собственное встречается и в надписях: IG, XII/9, 246, A 196; *Μέσατος Τιμοδῆμου Στυρ.*

После δεύτ[ε]ρ[ο]ς Σοφοκλῆς в начале третьей строчки обязательно должно было быть заканчивающее эту строку слово τρίτος перед именем Μέσατος. Эти известные нам три слова третьей строки содержат уже 22 буквы, и предполагать между Σοφοκλῆς и τρίτος названия победивших пьес Софокла невозможно. Даже при строке величиной в 30—35 букв, а это максимальная длина строки, мы не уместим в оставшийся промежуток между Σοφοκλῆς и τρίτος названий четырех драм или название трилогии и заключительной драмы сатиров, как это мы предположили по отношению к Эсхилу. Здесь можно было бы поместить только название цельной тетралогии (ср. в ὑπέθεσις к «Семерым против Фив» τρίτος Πολυφράδμων Λυκούργεια τετραλογία), но это случай очень редкий и по отношению к Софоклу маловероятный¹.

Наиболее правдоподобным восстановлением третьей строчки остается δεύτ[ε]ρ[ο]ς Σοφοκλῆς, τρίτος и этим определяется средняя величина строк нашего текста². Дополнение второй строки, предложенное Лобелем, соответствует этой величине, но в первой строке мы ожидали бы после [Α]ίσχυλος еще какого-нибудь слова, но к этому вопросу вернемся в дальнейшем.

Итак, в рассматриваемом агоне участвовали три соотязателя: Эсхил, Софокл (сын Софила) и Месат. Лески делает из этого вывод, что речь идет о постановке «Данаид» в 60-х годах V в. Но можем ли мы относить деятельность Месата к столь раннему времени? О Месате мы знаем только то, что автор писем Эврипида датирует выпады Месата против него временем пребывания Эврипида в Македонии, т. е. 408—406 гг. Установление исторического существования Месата должно повысить доверие также и к этому свидетельству, которое могло быть основано на фактах, сообщавшихся античными биографами Эврипида. Конечно, если Софокл, начавший свою драматургическую деятельность в 468 г., дожил до 90 лет и умер в 406 г., то нет ничего невозможного в том, что и Месат мог дожить до столь же преклонных лет и, выступивши как трагический поэт в 60-х годах, действовать еще в конце V в. Не выходя за пределы возможностей человеческой жизни, предположение это остается однако не очень вероятным, и мы, естественно, предположили бы для Месата более позднее начало сценической деятельности. Если синхронизм с Софоклом заставляет датировать рассматриваемую постановку «Данаид» временем не ранее 468 г., то синхронизм с Месатом делает гораздо более вероятной посмертную постановку Эсхиловой трилогии³.

Тексты, свидетельствующие о повторных постановках произведений Эсхила после его смерти, разумеется, отлично известны Лески. Какие же соображения заставляют венского филолога отвергнуть идею посмертной постановки и тем самым прийти к выводу о датировке «Просительниц» 60-ми годами? Он приводит два аргумента. Лески считает невероятным, чтобы дидаскалия указывала вместо первой постановки какую-нибудь вторичную. Было бы вполне естественно, рассуждает он, если бы в дидаскалии, предпосланной трагедии Софокла или Месата, была указана вторичная постановка драмы Эсхила, имевшая место на том же сценическом состязании. Однако вся группа

¹ Надпись из Halae Aexonides с указанием, что Σοφοκλῆς ἐδίδασκε Τηλέφειαν, обрывается, к сожалению, на этой самой строке. «Телефия», вероятно, не тетралогия, ср. M. Fromhold-Treu, D. Telephos-Trilogie d. Sophocles, «Hermes», 69, 1934, стр. 324—338.

² Все начала строк совпадают с началами слов, и переноса слова из одной строки в другую ни разу нет; это заставляет предполагать, что строки не являлись вполне одинаковыми по величине, ср. Lesky, ук. соч. стр. 11.

³ Список трагических поэтов в порядке их первых побед на городских Дионисиях (IG, II/III², 2325) содержит между Σοφοκλῆς и Ἀριστ[ι]ας имя трагического поэта, кончающееся на -τος. Lesky, ук. соч., стр. 9—10, предлагает дополнение Μέσα]τος, о котором думал уже Carps, AJP, 20, 1899, 401, прим. 1. Другое дополнение Μέλη]τος предложил E. Reisch (A. Wilhelm, ук. соч., стр. 102—103). Wilhelm предпочел, однако, воздержаться от дополнений, справедливо считая, что ни одно из предположений не является сколько-нибудь вероятным.

папирусов, объединенная Лобелем под №№ 2245—2256, относится к Эсхилу. А в дидаскалии, сопровождающей трагедию Эскила, указание на вторичную постановку могло бы появиться только в результате ошибки, которую вряд ли можно приписать александрийским филологам.

Этот аргумент, вероятно, останется непонятным для читателя, если не учесть, что Лески исходит из той формы текста, которую мы выше назвали факсимильной и в которой тексту нашего отрывка непосредственно предшествует начинающая колонку строка ἐπί.α.[. Действительно, если считать, что перед нами полный текст дидаскалии, то замена первой постановки вторичным возобновлением требует какого-то объяснения. Но в действительности строчка ἐπί.α.[. присоединена к тексту нашего отрывка в порядке предположения, которое само нуждается в обосновании. Мы имеем не целостную дидаскалию, а только ее конец. Ничто не мешает предположить, что наша дидаскалия указывала и на первую прижизненную постановку ἐδιδῆχθη ἐπί...), и на вторичную — посмертную (ἀνεδιδῆχθη ἐπί...), и что сохранившиеся заключительные строчки относятся именно к этой вторичной постановке. При таком предположении довод Лески теряет все свое значение. Никакой «ошибки» не произошло. Надо думать, что в тех случаях, когда драма не один раз участвовала в агоне, — а это могло иметь место только по отношению к драмам Эскила — составители дидаскалий приводили данные о всех призах, полученных этой драмой. Правда, в нашем материале нет ни одного такого случая, но это никак не должно нас удивлять при скудости сохранившихся дидаскалий и редкости повторных постановок.

Второй довод Лески против повторной постановки состоит в том, что дидаскалия имела бы в подобном случае иную форму. Какой формы он бы при этом ожидал, Лески не говорит, но, по-видимому, имеется в виду форма, которую мы находим в ὑπόθεσις к «Семерым против Фив»: δεῦτερος Ἀριστίας Περσεῖ, Ταυτάλῳ, Παλαισταῖς σατυρικοῖς τοῖς Πρατίνου πατρός (в дидаскалии к «Эдипу» О. Р. 2256, fr. 2: δεῦτερος Ἀριστίας ταῖς τοῦ πατρὸς αὐτοῦ τραγωιδίαις). Однако вопрос о той форме, в которой заносились в официальные аттические отчеты имена покойных авторов драматических произведений, уже давно получил исчерпывающее разъяснение в русской филологической науке. П. В. Никитин в своей известной диссертации «К истории афинских драматических состязаний» документально доказал (стр. 185—190), что умершие авторы могли заноситься в дидаскалии с отметкой τεθνηκώς, например, Παράμονος τεθνηκώς¹ или . . . Πρῆσβύτερος τεθνηκώς] (там же, fr. h). Далее П. В. Никитин показывает, что существовало два способа постановки пьес умерших поэтов. Постановщик мог ставить их от своего имени (ἐπ'ἰδίῳ ὀνόματι) и от имени покойника. Так, Софокл-внук поставил «Эдипа в Колоне» от имени умершего деда (ὑπόθεσις к «Эдипу в Колоне»: Τὸν ἐπὶ Κολωνῶ Οἰδίπου ἐπὶ τετελευτηκῶτι τῷ πάππῳ Σοφοκλῆς ὁ υἱοῦς ἐδίδαξεν υἱὸς ὢν Ἀρίστωνος, ἐπὶ ἄρχοντος Μίλωνος. . . В приведенных выше словах Филострата — ἐκάλουν δὲ καὶ τεθνεῶτα (т. е. Ἀίσχυλον) ἐς Διωνύσια — П. В. Никитин видит даже перифраз выражения официальных дидаскалий Αἰσχύλος τεθνηκώς, употреблявшегося тогда, когда победителем на агоне провозглашался умерший уже Эсхил. Мы получаем, таким образом, возможность дополнить первую строку папируса, в которой недоставало конца, и вставить между именем Эскила и названиями его произведений слово τεθνηκώς или τετελευτηκώς:

ἐνίκα [Αἰ]σχύλο[ς τεθνηκώς
 Δαν[αῖ]σι Ἀμυμῶνῃ σατυρικῆι.

Допустим, однако, в порядке фиктивного предположения, что П. В. Никитин был неправ и что в дидаскалиях вторичных постановок обязательно указывался действительный постановщик в именительном падеже, а имя покойного автора — в родительном падеже при заглавиях его произведений. Что мешает предположить именно такую форму в нашей дидаскалии? Ведь в имени [Αἰ]σχύλο[ς конечная примета

¹ CIA, II, 975, Col. IV, 110 (по Wilhelm'y Col. III. fr. c).

именительного падежа дополнена Лобелем, и мы с равным правом можем заменить здесь именительный падеж родительным: [A:]σχόλο[υ:

[. ὁ δεῖνα]
 ἐνίκα [A:]σχόλο[υ τεθνηκός
 Δαν[αῖ]σι Ἀμυ[μώνη] σατυρικῆ

Стало быть, второй аргумент Лески отпадает даже в том случае, если исходить из его предпосылок и не учитывать их ошибочности в свете фактов, установленных П. В. Никитиным.

В дидаскалии О. Р. 2256, fr. 3 не содержится никаких моментов, которые препятствовали бы отнесению ее к посмертной постановке тетралогии о дочерях Даная.

После имени Μέσατος в папирусе следуют заглавия ряда пьес. Эта часть текста представляет наибольшие трудности для истолкования, но эти трудности уже не имеют отношения к вопросу о датировке «Просительниц».

Дидаскалические данные, содержащиеся в рукописях или папирусах греческих трагических поэтов, бывают разного типа в зависимости от богатства сообщаемых в них сведений. В одних случаях дидаскалия ограничивается указанием на состав тетралогии, с которой в соответствующем году выступил автор данного произведения (например, в ὑπόθεσις к «Персам» Эсхила: Ἐπὶ Μένωνος τραγῶδων Ἀσχύλος ἐνίκα Φινεῖ, Πέρσαις, Γλαύκῃ, Προμηθεῖ, в {других случаях присоединяются имена прочих участников агона с указанием, какое место кто занял (например, в ὑπόθεσις к «Медее» Эврипида: Ἐδιδάχθη ἐπὶ Πυθοδώρου ἄρχοντος κατὰ τὴν ὀδοροκστῆν ἐξδύμην Ὀλυμπιάδα. πρῶτος Εὐφορίων, δεύτερος Σοφοκλῆς, τρίτος Εὐριπίδης Μηδεία, Φιλοκτῆτη, Δίκτυι, Θεριστάις σατύροις); в наиболее полных дидаскалиях приводятся также и произведения остальных состязателей (например, в уже цитированнейшей ὑπόθεσις к «Семерым против Фив»: Ἐδιδάχθη ἐπὶ Θεαγενίδου Ὀλυμπιάδι οἷ. ἐνίκα Λαῖφ, Οἰδίποδι, Ἑπτὰ ἐπὶ Θῆβας, Σφιγγί σατυρικῆ. δεύτερος Ἀριστίας Περσεῖ, Ταυτάφω, Παλαισταίς σατυρικοῖς τοῖς Πρατίνου πατρῶς. τρίτος Πολυφράδμιων Λυκούργειά τετραλογία). В нашей дидаскалии произошла какая-то путаница; после того, как назван был Эсхил с его произведениями, при имени Софокла, по-видимому, уже ничего не было указано, а после имени Месата мы находим пять названий пьес в сохранившейся части папируса, к которым надлежит присоединить еще некоторые заглавия в потерянной части текста. Среди сохранившихся заглавий два — Κωφοί и Ποιμένες — засвидетельствованы как заглавия пьес Софокла и неизвестны нам как заглавия произведений какого-нибудь другого автора. Ничто не мешает однако предположить, что у Месата, о произведениях которого не сохранилось никаких упоминаний, были идентично озаглавленные пьесы; у аттических драматургов это встречается сплошь да рядом. Оржельс обратил внимание на то, что среди заглавий имеются две драмы сатиров. Во-первых, — Κωφοί. Что у Софокла это была драма сатиров, прямо засвидетельствовано схолиями к Аполлонию Родосскому 972 и 1126 (fr. 336-337 N²), но и у любого другого трагического поэта такое заглавие возможно только в сатировой драме. Во-вторых, — τοιζα. Очевидно, здесь две тетралогии. Первая состояла из 1) Ν. [·] [·], с большой вероятностью прочитанного Лассерром¹ как Νῆ[σι] или Νηῖ[άσι], 2) трагедии, заглавие которой утеряно в несохранившейся части четвертой строки, 3) Βάχχαι, 4) Κωφοί. То, что в несохранившейся части четвертой строки после Νηῖ[άσι] было только одно заглавие, подтверждает, по-видимому, наше предположение о средней величине строки; при строке в 30 букв это заглавие оказалось бы непомерно длинным. Для второй тетралогии Оржельс предложил Ποιμένες в качестве заглавия трагической трилогии и Κύκνος как заглавие драмы сатиров, — Лобель указывает, что чтение κωφ| столь же возможно, как и κωχλ|. Однако заглавие Ποιμένες — очевидно, по хору пастухов — вряд ли мыслимо как обозначение целой трилогии, и в

¹ F. Lasserre, Zur verstümmelten Didaskalie P. Oxy. 2256, fr. 3, «Hermes», 83, 1953, стр. 128.

этой функции обычно фигурируют мифологические имена или их дериваты. Лучше представить себе дело так, что указаны были названия всех четырех пьес. Название *Kύκνος* не обязательно указывает на драму сатиров. Героем пьесы мог быть тот Кикн, вторая жена которого, Филонома, влюбилась в своего пасынка Тенна (Paus., X, 14; Diod., V, 83). Так или иначе, трагедия «Кикн» вполне возможна. Заключительное *σατυ* относилось не к «Кикну», а к утерянному заглавию в конце шестой строки. Шестая строка могла даже содержать после *Κύκυ[ω]* два заглавия, если они были невелики. В противном случае можно допустить, что заглавие первой трагедии второй тетралогии находилось в конце пятой строки. Таким образом, в строках 4—6 нашего текста умещаются две тетралогии. Как они попали сюда после имени третьего участника агова?

На наличие путаницы в тексте указал уже писец нашего папируса. Перед группой *Nῆι* [в четвертой строке и в начале пятой строки в папирусе стоят угловые скобки (< >), которые Лобель во избежание смешения с идентичным знаком, применяемым в издании папирусов, передал знаком ¶. Случаи использования этого знака известны мне лишь из более поздних памятников. Угловые скобки < > применяются для изъятия ошибочно написанных слов, например, в библейских текстах: *τω<βασιλει>δαδ* (I. Par., 19₆), *<πασιν>* (Jud., 11), *<εν τη διακονια των εβραιων>* (Act., 6₁)¹. Естественно думать, что и в нашем папирусе скобки были применены с той же целью в строках 4 и 5 и охватывали заглавие первой тетралогии². Месату, таким образом, была по ошибке приписана не та тетралогия, с которой он выступал на данном состязании, а затем ошибка была исправлена. Странным при этом является то, что трагедии Софокла не указаны, и если мы не желаем прибегнуть к предположению, что вся тетралогия Софокла была охвачена одним названием, нам придется допустить лауну: между словами *Σοφοκλή[ς]* и *τρίτος* пропущено заглавие пьес Софокла. Ничего невозможного в этом нет.

Иначе толкует наш текст Лески. Он думает, что угловые скобки в этом случае служили не для изъятия, а для перестановки текста, и что заключенная в скобки тетралогия принадлежала Софоклу и должна быть поставлена после *Σοφοκλή[ς]*. Других случаев применения угловых скобок как знака перестановки Лески привести не может, и при этом предположении мы должны принять, что наш документ доставил нам два неизвестных до сих пор заглавия пьес Софокла. Эти трудности однако не являются решающим аргументом против гипотезы Лески, и с ней необходимо считаться как с одной из возможностей.

В итоге предыдущего рассмотрения папирус O. P. 2256, fr. 3 может быть восстановлен следующим образом:

.
ἐνίκα [A]σχύλο[ς] τεθνηκώς
Δαν[α·ί]·σι Ἄμυ[μόννη] σατυρικῆι.
δευτέρ[ε]ο[ς] Σοφοκλή[ς]. τρίτος
Μέσατος [Nῆι[άσι]]
[Βάκχαις Κωφοῖ]ς σατυ(?)] ?
Ποι[μείν] Κύκυ[ω]
σατυ.

«...победил Эсхил посмертно «Данаидами», драмой сатиров «Амимовой». Второй — Софокл. Третий — Месат «Наядами», (1 загл.), «Вакханками», сатирической драмой «Глухие», (1 загл. (?)) «Пастухами», «Кикном», (1 загл. (?)), драмой сатиров (загл.).»

¹ Примеры из книги: K. H. A. L i p s i u s, Grammatiche Untersuchungen über die biblische Gracität, Über die Lesezeichen, Lpz., 1863, стр. 143—145.

² То обстоятельство, что начальные угловые скобки (это особенно ясно в строке пятой) поставлены были раньше содержащихся в них слов, не противоречит этому предположению: в нашем тексте они уже механически переписаны с его источника.

Мы исходили из текста папируса в той форме, в какой он был напечатан Лобелем. Теперь допустим, что факсимильная форма текста, в которой ему предшествует начальная строка колонки ἐπι α ρ. [, соответствует действительности. Предположение, что перед нами заключительная часть дидаскалии, содержащей данные как о прижизненной, так и о посмертной постановке, в этом случае встретит известные трудности. Придется допустить, что сохранившаяся часть дидаскалии (а дидаскалия эта, в свою очередь, может быть, являлась заключительной частью ὑπεθεσις к трагедии) началась с новой колонки. Вряд ли исследователь признает такую случайность скольконибудь вероятной, что, по-видимому, и заставляет филологов, исходящих из факсимильной формы текста, отвергать идею посмертной постановки. Довод этот нельзя признать основательным. Факсимильная форма текста действительно предполагает, что ему ничего не предшествовало, но это отнюдь не свидетельствует в пользу прижизненной постановки. Слишком много есть самых разнообразных возможностей, которые могли заставить составителя дидаскалии выбрать посмертную постановку.

Первая возможность. Постановка при жизни автора не доставила ему победы. Как известно, первая победа Эсхила относится к 484 г. (Marmor Parium, ep. 50). Если правильно отнесение «Просительниц» к 90-м годам, то при первой постановке Эсхила должен был довольствоваться вторым или даже третьим местом. Издатели Эсхила при таких условиях могли предпочесть посмертную постановку, доставившую поэту первое место. Вторая возможность. Данных о первой постановке не было. Исследователи истории греческого театра всегда считают с тем, что о времени, предшествующем греко-персидским войнам, не было полных дидаскалических сведений¹. При постановке «Просительниц» в 90-х годах V в. могло случиться, что данных о результатах первого агона не было.

Третья возможность. Трилогия о дочерях Даная вовсе не была поставлена при жизни Эсхила². Мы уже приводили свидетельство Свида, что Эвфорион четыре раза побеждал пьесами из литературного наследия своего отца. Лески (стр. 4) думает, что речь идет о пьесах, написанных Эсхилом в последние годы жизни. Нет никаких оснований для такого ограничения Трагедии аттических драматургов могли не попадать на сцену по многим причинам, в том числе и политическим. Трилогия Эсхила прославляет Аргос и могла быть поставлена только тогда, когда Афины находились в союзе с Аргосом. Как известно, отношения между Афинами и Аргосом были очень неравными, и изменение политической конъюнктуры вскоре после написания трилогии могло на многие годы лишить ее доступа к сцене. Если трилогия принадлежала при этом к числу ранних, то Эсхил, изменивший впоследствии свои драматургические принципы, мог уже не возвращаться к устаревшим пьесам, и они могли быть впервые поставлены лишь после его смерти.

Все это только возможности, но из них ясно, сколь мало свидетельствует О. Р. 2256, fr. 3 о времени постановки «Просительниц», даже если принять факсимильную форму текста.

Слова ἐπι α ρ. можно дополнить ἐπι ἄ ρ. [χοῦτος... и имя архонта при этом остается неизвестным. Но Дэвисон и Лески указывают, что в дидаскалиях чаще непосредственно за ἐπι следует собственное имя архонта, и ищут это имя среди архонтов между 466—456 гг. Подходит только одно лицо — Архедеид, архонт 464/3 г. Упомянутые исследователи, а вслед за ними и Оржель, считают этот год весьма вероятной или даже почти достоверной датой постановки «Просительниц». С этим трудно согласиться. Как мы говорили, «Просительницы» предполагают союз с Аргосом, чего в 464/3 г. не было. В это время Афины еще не порвали с вековым врагом Аргоса Спартой, и Кимон еще в 462 г. отправился с 4000 голлитов на помощь спартамцам в Мессеию. Только когда спартамцы отослали афинский отряд, в Афинах возобладали демократическая группи-

¹ См., например, RE. s. v. Σχῆμαχοι ἄγωνες, стб. 494.

² Я уже не говорю о предположении В e r g k ' a, Griechische Literaturgeschichte, т. III, 1884, стр. 308, что Эсхил написал эти драмы не для Афин, а для Аргоса.

ровка, что привело к союзу с Аргосом (Thuc., I, 102) и к остракизму Кимона. Но все это происходило уже после Архедеида¹.

При допущении посмертной постановки «Просительниц» можно найти более подходящего архонта, имя которого начиналось бы с группы 'Ар-. Таков, например, Архий — архонт 419/18 г., после того, как в 420 г. был заключен союз афинян с Аргосом, Мантинеей и Злеей (Thuc., V, 47), или Аримнест — архонт 416/5 г., после новой победы демократии в Аргосе (Thuc., V, 82). На Дионисиях 418 г.² посмертная постановка трилогии о дочерях Даная была бы вполне уместна. Предполагаемую факсимильной формой текста первую строку можно было бы дополнить.

ἔπι Ἀρχίου τραγῳδῶν πρῶτος

«...При Архии: из трагических поэтов первый...» (ср. сочетание πρῶτος ἐνίκα в дидаскалиях к «Всадникам» Аристофана, ἐνίκα πρῶτος в дидаскалии к «Осам»).

Разумеется, архонтство Архия предлагается здесь только в качестве одной из возможностей. Предположение это я не могу считать обоснованным уже потому, что я не считаю достаточно обоснованной самую факсимильную форму текста, из которой оно исходит. Всем предыдущим изложением я стремился доказать одно: папирус O. P. 2256, fr. 3 представляет столько возможностей разных толкований, что никаких хронологических выводов о постановке или написании «Просительниц» из него делать невозможно. Те исследователи, которые на основании нового текста требуют отказа от прежних датировок, явно поторопились.

Спор о «Данаидах» может продолжаться. «Переисследование» «Просительниц», которого требовал В. Нестле, является первоочередной задачей эсхиловедения. Но это «переисследование» должно по-прежнему вестись методами историко-идеологического и историко-стилистического анализа. Папирус O. P. 2256, fr. 3 не может быть привлечен к решению этого вопроса, и его толкование само зависит от выводов, к которым исследователи придут на основании упомянутых методов.

Проф. И. М. Тронский

ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В РОМАНЕ КСЕНОФОНТА ЭФЕССКОГО «ЭФЕССКИЕ ПОВЕСТИ»

(К вопросу о датировке романа)

Бесспорно, что произведения художественной литературы являются свидетельством и отражением социальной жизни и идеологии современного им общества. Тем не менее греческие любовные романы считались совершенно аполитичными и далекими от действительности. Однако такая оценка их является необоснованной и анализ одного из типичных образцов этого жанра — романа Ксенофонта Эфесского «Эфесские повести» дает возможность показать, насколько несправедливо такое мнение.

¹ Дружественная позиция Эсхила по отношению к Аргосу обнаруживается в «Эвменидах» (458 г.), ст. 290 сл.; 762—774. С чисто политической точки зрения, если бы Ἰκέτιδες были поставлены в 460-х годах, то это могло иметь место только в 461, потому что уже в 459 г., когда афиняне были в союзе с восставшим против персов Египтом, невозможно было бы на афинской сцене столь враждебное изображение сыновей Египта, как мы имеем это в «Просительницах».

² На Ленеях в архонтство Архия были поставлены другие пьесы (IG, II, 972, ср. Wilhelms, ук. соч., стр. 53).